

На правах рукописи

Косарев Андрей Викторович

**ПРАГМАТИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ПОВОРОТА:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.03 – История философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Вольф Марина Николаевна

Официальные оппоненты:

Нестеров Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», кафедра философии, заведующий кафедрой

Родин Кирилл Александрович, кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики», кафедра Философия и история, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

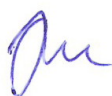
Защита состоится 27 декабря 2017 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, ауд. 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/KosarevAV27122017.html>

Автореферат разослан «___» ноября 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Эннс Ирина Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ежегодно лексикографическое подразделение «Oxford Dictionaries» издательства «Oxford University Press» выбирает слово года. В 2016 г. этим словом стало «post-truth», пост-истина¹. Как комментируют оксфордские лексикографы значение этого слова, оно «связано или обозначает обстоятельства, при которых объективные факты оказываются менее значимы для формирования общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личной вере». Префикс «пост» в этом слове означает не то, что какое-то событие произошло после конкретной ситуации («пост-травматический»), а что обсуждаемый концепт или феномен принадлежит к тому времени, когда он становится неважным, неуместным, лишним. Сходное значение имеют термины пост-национальный (1945) и пост-расовый (1971). Оксфордские ученые указывают, что впервые слово в близком к сегодняшнему значению появилось в 1992 году в журнале «The Nation», где «пост-истина» было использовано в значении «после той истины, которую мы знали». Но за прошедшие четверть века его значение сместилось в сторону радикального утверждения «истина стала неуместна».

Как правило в западной традиции с отказом от истины связывают софистическое движение, основным продуктом и методом которой является риторика. Часто, чтобы подчеркнуть ее происхождение, говорят о «софистической риторике». Базовыми элементами, на которые опирается вся риторическая техника и к которым она апеллирует, являются эмоции и личная вера, т.е. те самые элементы, через которые было определено слово «пост-истина». Достоверность как синоним доказательного знания, ведущего к истине, никогда не была свойственна риторике. Более того, риторика всегда имеет дело с вопросами, в которых присутствует некоторая доля неопределенности или вероятности. Указанные вопросы нельзя решить посредством наблюдения или логического доказательства, так как они не будут

¹ Word of the Year 2016 is... // English Oxford living dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 29.08.2017).

пересекаться с задачами риторики. Именно поэтому риторика со времен античности использовалась наиболее успешно в таких областях как право, политика, педагогика и т.п., где часто возникают спорные и неоднозначные ситуации.

Риторика ориентирована на эффект, который оказывает убедительная речь на аудиторию, или иначе говоря, оратор рассчитывает на определенные, часто немедленные следствия в результате продуманных действий, фраз, аргументов. В этом пункте любая риторическая практика пересекается с прагматизмом. Если вспомнить максиму Пирса, то фактически любая ее формулировка может быть сведена к тем же задачам, которые стоят перед риторикой: наше понимание объекта зависит от того, какой практический эффект связан с этим объектом и какие практические следствия производит действие данного объекта.

В XX в. риторика переживает подъем после многих лет забвения. К XIX в. это слово употребляется почти исключительно в негативном значении и постепенно исключается из образовательной практики, перестав быть частью институтов образования и формирования общей культуры. XX век формирует новый запрос на риторику как на средство достижения эффективной коммуникации с максимально широкой областью применения, от научного поиска и эпистемологии до урегулирования межнациональных, локальных, политических и других конфликтов. Разные формы возрожденной риторики, неориторики и нео-софистики, такое явление как риторический поворот в науке, связанный с отказом от норм объективизма и реализма, становятся характерными явлениями для дискурса 2-ой половины XX в.

Релятивизм – еще один феномен, который связывают с софистикой в качестве характерной для нее методологии и эпистемологии. Особенностью релятивизма долгое время было то, что он рассматривался как принцип, блокирующий объективный поиск истины, и потому использовался как негативный ярлык для тех, кто не разделял объективистских убеждений. Релятивистские концепции нередко функционировали как упражнения для

эпистемологов в качестве усиления их собственных концепцией. Релятивизм также соотносили со скептицизмом, субъективизмом, нигилизмом и другими, негативно зарекомендовавшими себя с точки зрения сторонников фундаменталистских установок, направлениями. Однако современная ситуация существенно изменила такое отношение: в среде современных неопрагматистов, и начиная с Р. Рорти, релятивизм становится их базовой методологией и основным принципом.

Кроме того, в западноевропейском сознании истина прежде всего была связана с наукой как эпистемой². Подлинное, достоверное знание претендует на неизменность и непротиворечивость и разумеется, эти требования идут вразрез с основаниями риторической практики. Однако в последнее десятилетие XX в. уверенно зазвучал тезис о «конце знания» или «конце науки», появление которого связывают с одноименной нашумевшей книгой Дж. Хоргана³. Одна из главных идей книги Хоргана заключается в том, что основные научные истины уже открыты человечеством и никаких новых открытий, которые бы принципиально изменили картину нашего мира, уже не будет; наука должна измениться. Сегодня, спустя четверть века после выхода книги Хоргана, видно, что наука действительно изменилась. Наметившаяся в XX в. релятивизация науки в конечном итоге повела ее дальнейшую эволюцию по пути нового, коммуникативного типа рациональности. Этот процесс связан с так называемым риторическим поворотом в науке, который также произошел в последней четверти XX в. Различные «повороты» в науке, то есть разнообразие и кардинальное изменение подходов к описанию и познанию мира в XX в., нередко связывают с прагматизацией философии, и всю эволюцию мысли XX в., начиная от первых прагматистов, включая аналитическую и

² Эпистема – аристотелевский термин, синонимичный современному понятию научного знания, в определении самого Аристотеля означавший «то, что не может быть иначе» и указывавший на неизменный и абсолютный характер научного знания.

³ Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. Спб.: Амфора, 2001. 479 с. Оригинальное издание: Horgan J. The End of Science. Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age. Addison-Wesley, 1996. 320 p.

континентальную философию, и заканчивая неопрагматизмом, можно охарактеризовать как «прагматистский поворот»⁴.

Нередко можно встретить точку зрения, что все эти направления и течения, долгое время остававшиеся маргинальными, в действительности выражают лишь точку зрения меньшинства, которое постепенно пробивает себе дорогу, захватывая все большие территории влияния. Но масштабы происходящего вряд ли позволяют дать такую однозначную и одностороннюю оценку. По этой причине все вышеперечисленные феномены требуют от истории философии осмысления как самих указанных процессов, так и выявления их наиболее вероятных причин и предпосылок.

Таким образом, можно сформулировать проблему. В современном мире явно наблюдается процесс угасания философии в ее старой форме, ориентирующейся на объективистские принципы рациональности, а новые (или возрожденные) формы философствования, такие как неопрагматизм или неориторика, опираются на принципы, которые отвергаются в философии уже более 300 лет, начиная с эпохи Модерна, например, релятивизм. В таком случае, есть ли основания считать, что современный этап развития философии – это не период ее агонии, а новый виток развития, полагающийся на принципиально другие принципы и другое видение рациональности? При положительном ответе на этот вопрос, необходимо установить, какова содержательная специфика «новых» форм философии, каковы ее предпосылки и истоки, и наконец, можно ли показать ее определенную системность, взаимосвязь с другими явлениями интеллектуальной и социальной жизни, что исключило бы ее случайный характер и позволило бы говорить об определенных перспективах ее дальнейшей эволюции.

Новые процессы характеризуются понятиями «риторический поворот» и «прагматический поворот», все чаще звучащие в литературе и пришедшие на смену лингвистическому повороту, с которым связывают достижения аналитической философии, и не менее знаменитому интерпретативному

⁴ Bernstein R. The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity Press, 2010. 263 p.

повороту, характеризующий т.н. философию постмодернизма. Поскольку притязания на эти повороты исходят в основном от представителей самого неопрагматизма, нужно убедиться насколько они состоятельны, не является ли эта позиция всего лишь внутренней доктриной или даже убежденностью отдельно взятого философского направления. Для этого необходимо объяснить, почему возрождение софистической методологии в формах неориторики, аргументативной риторики или парариторики (имплицитной риторики), и софистического движения или образа жизни как возрождения прагматизма в форме неопрагматизма, а также базовых эпистемических принципов софистики в форме релятивизма являются взаимоопределяющимися процессами.

Степень разработанности проблемы. В отечественной философской литературе на сегодняшний день не существует целостного анализа данной проблематики, исследующего взаимосвязь обновленных форм риторики и прагматизма в контексте их взаимообуславливающей эволюции. Зарубежные труды в указанной области также крайне малочисленны и представляют собой не самостоятельные исследования, а скорее сборники статей, демонстрирующие совокупность различных точек зрения на отдельные аспекты проблемы. Наиболее показательными являются работы *Rhetoric, sophistry, pragmatism* / ed. by S. Mailloux. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, и *Rhetoric and Philosophy* / ed. by R.A. Chervitz. New York and London: Routledge, 1990.

Что касается разработанности отдельных составляющих исследования, а именно неориторики, риторического исследования в науке, прагматизма, неопрагматизма и релятивизма, то здесь ситуация также крайне неравномерна.

На русском языке практически полностью отсутствуют переводы представителей позднего неопрагматистского направления. Относительно широко представлены переводы работ и критические исследования основателей прагматизма и аналитического прагматизма. Работы Рорти, Патнэма, Брендома, а также критическая литература, посвященная этим философам, активно издается в последние годы. Среди исследователей этого направления можно

назвать Н.С. Юлину, И.Д. Джохадзе, Л.Б. Макееву, С.С. Судакова. В последние годы в исследованиях начинает освещаться вопрос о взаимоотношении прагматизма и аналитической философии, в частности, работы Е.В. Логинова.

Современное состояние риторики также все чаще попадает в поле зрения исследователей, однако на русском языке это единичные работы, написанные в основном с филологической (лингвистической) точки зрения, освещающие теоретические аспекты современной риторики. Таковыми, в частности, являются работы Н.А. Безменовой и Э. Колесниковой. На западе данное направление представлено широко и исследовано существенно лучше. Среди исследователей обновленной риторики можно указать такие имена, как I.A. Richards, K. Burke, R. McKeon, R. Weaver, D.P. Gaonkar и др. Но их работы также малоизвестны российской аудитории.

В отношении работ, посвященных неориторике и имплицитным риторикам, ситуация представляется аналогичной. До сих пор не существует полных переводов на русский язык трудов Х. Перельмана и С. Тулмина, как и крайне мало критической литературы именно философского и историко-философского характера, посвященной этим исследователям. На наш взгляд, это объясняется все еще достаточно сильным влиянием формальных подходов к аргументации. Несколько десятилетий назад в г. Калининграде (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта) под руководством В.Н. Брюшинкина⁵ активно велось изучение новой риторики и сопряженных с ней стратегий аргументации, проводились конференции, результаты этой деятельности публиковались в журнале «РАЦИО.ru». Однако эти исследования можно причислить скорее к области теории аргументации и в меньшей степени их можно отнести к истории философии.

Относительно широко представлены переводы работ Ю. Хабермаса и критическая литература о нем, однако почти отсутствуют исследования его связи с неопрагматизмом. В этом отношении показательна работа *Habermas and*

⁵ Одна из тем, которую разрабатывал В.Н. Брюшинкин в рамках неформальной аргументации – аргументация как коммуникация, близкая идее данной диссертации. Например, см.: Брюшинкин В.Н. Аргументация, коммуникация, рациональность // Вестник РГУ им. И. Канта, 2008. Вып. 6. Гуманитарные науки. С. 5–11.

Pragmatism / ed. by M. Aboulafia, M. Bookman, C. Kemp. – London; New York: Routledge, 2002.

Вопросы релятивизма широко обсуждаются в российских исследованиях В.А. Лекторским, Е.А. Мамчур, Г.Д. Левиным, И.Т. Касавиным, А.В. Родиным, Н.С. Автономовой, И.Д. Джохадзе. Однако, нечасто – в сравнении с философией прагматизма, и практически отсутствуют работы, в которых бы речь шла об оценке неопрагматистского релятивизма. В современной западной литературе релятивизм – одна из самых обсуждаемых тем, к ней обращаются в частности D. Bloor, J. MacFarlane, H. Siegel, I. Niiniluoto и многие другие. Крайне активно в последние десятилетия релятивизм обсуждается в неопрагматистской литературе (Н. Putnam, J. Margolis и др.), причем эта дискуссия имеет свою собственную специфику.

Что касается вопросов исследования коммуникативной рациональности, риторического поворота и риторического исследования в науке, на русском языке этих направлений целенаправленно касался А.П. Огурцов и А.П. Политюк. Среди иностранных исследований можно отметить работы D.P. Gaonkar, а также издания *The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs* / ed. by John S. Nelson. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987, и *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / ed. by H.W. Simons. Chicago: University Of Chicago Press, 1990.

В силу того, что в диссертации привлекается анализ различных дисциплинарных областей – теоретической риторики, лингвистики, семиотики, теории аргументации, истории философии, коммуникативистики и др., мы полагаем, что подробное изложение имен и концепций в отношении указанных направлений во введении окажется излишним и громоздким, вследствие чего каждый параграф, посвященный отдельной тематике, сопровождается подробным изложением состояния проблемы, анализа исследовательской литературы и первоисточников.

В целом можно заключить, что анализ источников и литературы по теме исследования, отраженных в библиографии к диссертации, показывает, что на сегодняшний день уже имеется достаточный материал для историко-философского изучения аспектов взаимосвязи американского прагматизма и неопрагматизма, европейской неориторики, возрожденных форм риторики Старого и Нового света, а также релятивизма. Однако такого рода работы все еще редки в философской практике. Наше исследование должно стать одним из первых такого рода.

Цель исследования. Показать, что возникшая в XX-м столетии ситуация перехода к новому, коммуникативному типу рациональности в американской философии сложилась в условиях как взаимообогащения прагматизма и риторики в ее пересмотренном варианте, так и в новых формах ее существования, что в свою очередь привело к оформлению неопрагматизма.

Указанная цель достигается путем решения следующих задач:

1. Выявить особенности риторического знания в XX в. через анализ специфики новых форм существования риторики, прежде всего неориторики (аргументативной риторики) и парариторики.

2. Установить специфику риторического поворота в науке и философии XX в. в сопоставлении с двумя другими поворотными точками – лингвистическим и интерпретативным поворотами.

3. Раскрыть предпосылки возникновения риторического поворота через анализ:

- а) философии основателей прагматизма;
- б) точек схождения прагматизма и релятивизма;
- в) философского содержания концепции риторической ситуации.

4. Дать оценку содержания и выявить основную специфику неопрагматизма, особенно в точках его схождения с риторическим знанием и принципами релятивизма на примере философских концепций Дж. Марголиса и Р. Бернстайна.

Основные методологические принципы исследования.

Методологической основой диссертации послужил историко-философский подход, посредством которого были отобраны, систематизированы и реконструированы основные элементы интеллектуального пространства XX в., в котором осуществлялась взаимосвязь прагматизма и неопрагматизма, релятивистских и риторических исследований. На этой же основе произведена реконструкция основных положений указанных направлений.

Существующие в историко-философском знании расхождения в способах оценки и реконструкции определенных философских идей предопределили выбор методологической стратегии исследования. На сегодняшний день в истории философии выделяются два противостоящих друг другу базовых подхода: «антикварный» контекстуализм, не интересующийся целями современной философии и продолжающий держаться принципов историцизма, называемый исторической реконструкцией⁶. Согласно этому подходу историко-философская работа ведется с текстом из прошлого, для понимания которого достаточно разместить его в тот контекст, где он был написан. Любая попытка выйти за рамки самого текста или оговоренного контекста ведет к аисторическим, надуманным и ложным интерпретациям. Другой – апроприационизм, «присваивающий» подход, полагающий, что история философии является источником идей и аргументов для современной философии, или рациональная реконструкция⁷. Апроприационисты не заинтересованы в полной и абсолютно достоверной картине прошлого. Для них важно, каким образом эти доктрины могут оказать помощь в разрешении современных философских проблем. Существенные отличия одного подхода от другого заключаются в том, что контекстуалисты стараются не отходить от буквы текста и языка, на котором он написан, апроприационисты полагают, что невозможно написать историю философии, не погружая ее в контекст

⁶ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 180–198.

⁷ Там же.

современных проблем, иначе невозможно отличить вечные философские проблемы от частных сиюминутных задач.

Поскольку философия прежде всего предполагает работу не с фактами, а с аргументацией, которую используют философы для обоснования собственной позиции, то понять аргумент, оценить его силу и состоятельность вне наших собственных принципов и парадигм мышления, не противопоставляя его современным способам построения аргументации, невозможно. Соответственно, в данной диссертации по преимуществу реализовывался присваивающий подход, который сочетается и во многом пересекается с проблемным подходом⁸, также широко применявшимся в данной диссертации. Суть подхода заключается в реконструкции проблем, поставленных в исследуемых доктринах, в реконструкции или оценке их решений, а также в реконструкции общего проблемного поля, позволяющего задать единство проблем на значительном хронологическом отрезке. Более подробно методология работы освещена в первом параграфе Главы 1.

Среди других методов, использовавшихся в диссертации, активно применялись дескриптивный подход, базирующийся на анализе первичной и критической литературы, сравнительный (компаративистский), позволивший соотнести различные направления и течения в философии XX в., сравнительно-исторический, аналитический, текстуальный анализ (особенно при исследовании содержания и эволюции доктрин Дж. Марголиса и Р. Бернстайна) и др.

Научная новизна:

1. В работе впервые представлен широкий мировоззренческий и философский срез интеллектуальной культуры Европы и США XX в., по преимуществу его 2-ой половины, отображающий специфику развития философии и риторики на этом этапе; предложен историко-философский анализ того, как изменяется и встраивается в философский дискурс риторика,

⁸ Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОАН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Том 1, № 2. С. 203–246.

понятая как способ реализации аргументирующих и убеждающих стратегий, используемых непосредственно в повседневной коммуникативной практике.

2. Впервые систематизированы и представлены способы философских дискуссий и концепции о теории и практике риторики, в том числе, в неориторике (Перельман, Тулмин, Хабермас), парариторике (прагматика, семиотика и теория речевых актов) в контексте их взаимосвязи с прагматистской проблематикой.

3. Установлена специфика явления риторического поворота и способы его реализации в разных дисциплинарных областях (философия, экономика, эволюционизм).

4. Впервые в отечественной философии проанализировано содержание, творческая эволюция и дана комплексная оценка философских неопрагматистских учений Дж. Марголиса и Р. Бернстайна, выявлена специфика неопрагматизма в контексте его схождения с релятивизмом и риторикой как коммуникативной стратегией.

Положения, выносимые на защиту.

1. Установлено, что философия прагматизма с самого момента своего возникновения обращается к риторической проблематике, что было особенно характерно для основателей прагматизма Ч.С. Пирса, У. Джеймса, Ф.К.С. Шиллера; равно как и риторико-ориентированные дисциплины, в частности, коммуникативистика, черпают свое вдохновение в прагматистских концепциях (прагматика, теория речевых актов, концепция риторической ситуации), что демонстрирует взаимосвязанную эволюцию и взаимное обогащение этих традиций в долгосрочной перспективе.

2. Посредством систематизации философских дискуссий о теории и практике риторики выявлены общие точки схождения неориторики, направлений имплицитной риторики и прагматизма, среди них: коммуникативность, аргументированность с акцентом на использование обыденных аргументов в повседневных коммуникативных практиках, приоритет практических функций философствования над когнитивными,

стирание границ между теоретическим и практическим разумом, подчеркивание неформализуемости и нестрогости аргументации, выработка нового типа и стиля аргументации и разработка ее теории.

3. Выявлены специфические черты некой условной кризисной точки, через которую проходит интеллектуальное (научное) сообщество на рубеже XX–XXI вв., и которую можно назвать риторическим поворотом:

а) антиобъективистские и релятивистские настроения в исследованиях;

б) использование риторических принципов в качестве методологии поиска, перекладывание методологической функции с философии на риторику, поскольку ее преимуществами являются недисциплинарность и метадисциплинарность;

в) приспособление методологии к языкам объяснения, как следствие, унифицированный характер носит не методология, а аргументы: перенос конкретных образцов и моделей рассуждения, используемых в специфических науках в другие методологические области (как правило из области точных наук в гуманитарные и общественные);

г) язык описания действительности не является нейтральным и существенен для понимания и установления реальности;

д) максимальное использование неопределенности и неоднозначности языка;

е) расценивание заявлений ученых как аргументов в пользу их открытий, а не как констатации неопровержимых фактов о действительности;

ж) использование в науке нестрогих логических построений в той же мере, что и дедуктивных, и формальных методов, в числе которых аргументы по аналогии, отсылки к авторитетам, опора на интуицию, договорные условия, эстетические критерии;

з) использование принципов литературной критики, понимание науки как текста: наука «читает» реальность (поведение людей, культуру, исторические эпохи), понимает научные данные как символические

конструкции, воспринимает научную среду как коммуникативную, диалоговую.

4. На анализе концепций Дж. Марголиса и Р. Бернстайна установлены критерии и принципы неопрагматистской философии, также уточнено понимание неопрагматизма как философии «после Рорти». Показано что в контексте неопрагматизма понятия риторического и прагматистского поворотов в целом могут быть отождествлены.

Специфика неопрагматизма может быть сформулирована следующим образом:

- а) упрочение новой, коммуникативной формы рациональности;
- б) стремление к созданию особого рода публичного коммуникативного пространства, в котором реализуется диалогическая и коммуникативная рациональность, опирающаяся на риторическую аргументацию, а также новых форм его организации;
- в) понимание рациональности как «живого разговора», расширенного и открытого диалога, создающего основу межсубъектных соглашений;
- г) стирание различий между теоретическим и практическим разумом; практическая и социальная ориентация познания: «существование в контакте с реальностью» означает «существование с человеческим сообществом».

Степень достоверности результатов исследования. Диссертационное исследование следует принципам научной достоверности и непротиворечивости, выражающиеся в рассмотрении условий перехода к новому, коммуникативному типу рациональности в американской философии XX в., которые обеспечиваются взаимообогащением прагматизма и пересмотренным, обновленным вариантом риторического знания, в новых формах его существования, что в свою очередь привело к оформлению неопрагматизма. Исследование опирается на сложившуюся в историко-философской дисциплине научную традицию изучения рассматриваемой проблематики (в частности – на методологию рациональной реконструкции и проблемный подход к истории философии); в работе использован широкий

круг источников, включая труды неопрагматистов последних десятилетий, привлечено значительное количество вторичной критической литературы, результаты работы неоднократно апробированы на конференциях (в том числе, центральных, в г. Москве), основные положения работы развернуты в журнальных статьях, включенных в список ВАК и представленных в базах данных, что в совокупности позволяет сделать вывод о высокой степени достоверности полученных в проведенном исследовании результатов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материал диссертации, его методологические принципы и полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования проблем в области современной западной философии, эволюции прагматизма, релятивизма, скептицизма, вопросов риторики научного поиска. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы для чтения философских курсов, курсов по риторике и публичной речи, специальных курсов по философии прагматизма и неопрагматизма, проблемам современной истории философии и эпистемологии.

Апробация работы. Результаты работы представлены в виде докладов на V Сибирском философском семинаре «“Третья миссия” университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции» (Новосибирск, 14–16 сентября 2016 г.), на XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (Новосибирск, 1 декабря 2016 г.), на Международной научной конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, 26–27 мая 2017 г.). Заочно – в Международной конференции «Алёшинские чтения – 2016. Философия и наука: проблемы соотнесения» (Москва, 7–9 декабря 2016 г.). Опубликованы расширенные тезисы трех докладов, все три представлены в базе данных РИНЦ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения и списка литературы, включающего 198 наименований. Общий объем работы – 255 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во **введении** представлено обоснование темы и изложена ее актуальность, степень разработанности проблемы, ставится цель, формулируются задачи, излагаются методологические основания работы, даются формулировки новизны и положений, выносимых на защиту. Также излагается теоретическая и практическая значимость работы, апробация работы, приводится список опубликованной по теме диссертации литературы.

В **главе 1 «Поворотные точки в социо-гуманитарных науках XX в.»** сделан общий срез идейных и философских представлений о риторическом знании в XX в. Показано, что возрождение риторической техники идет в направлении понимания ее аргументирующей роли и роли основного инструмента в повседневных коммуникативных практиках.

В **параграфе 1.1 «Возрождение интереса к риторике в XX в.»** в общих чертах рассматриваются вопросы падения престижа риторики. Показано, что поскольку в XIX в. точные науки не смогли найти пути решения неформализуемых вопросов, эту задачу берут на себя теория аргументации, неформальная логика и др., положившие начало риторической аргументации и давшие толчок к возрождению интереса к риторике. В целом охарактеризованы этапы эволюции риторики, которые она прошла в XX в.: возрожденной риторики (первая четверть XX в.); новой риторики (середина XX в.); риторического поворота или неориторики (третья четверть XX в.). Далее, дана техническая база диссертационного исследования – определения основных понятий, использованных в диссертации: риторика, аргументация, дискуссия, дискурс, коммуникативная практика, нарратив. Показано, в чем сходство этих понятий и каковы их функциональные различия. Подчеркивается, что корневым значением для всех перечисленных выше терминов служит *аргументация*.

Также приводится рабочее определение риторики. Риторика понимается нами не в аспекте техничности (создание красивых речей, использование фигур

речи и т.п.), а как вся совокупность знания, которая исторически и концептуально может быть так или иначе возведена к риторике, т.е.:

- во-первых, аргументирующие и убеждающие стратегии, непосредственно используемые в повседневной коммуникативной практике;
- во-вторых, восходящий к софистам метод и связанные с ним релятивистские концепции;
- в-третьих, так называемые «имплицитные риторики», т.е. исследования, которые не обращаются к классической теории риторики и не ссылаются на нее, однако работают на стыке с традиционной риторической проблематикой и в значительной близости к риторической предметной области;
- в-четвертых, концепция риторического исследования в науке, которое подразумевает, что риторические техники неизбежно участвуют в формировании реальности, и понимание реальности зависит от того, какой вокабуляр используется для ее описания, при этом заявления ученых о своих исследованиях рассматриваются как аргументы в пользу той или иной гипотезы/теории, а не как констатация неоспоримых фактов.

Далее подробно изложены методологические принципы, на которых базируется диссертация. Характеризуются контекстуалистский и апроприационистский (присваивающий подход). Обосновывается применение присваивающего подхода для решения поставленных в диссертации задач.

В параграфе 1.2 «Формы существования риторики в ее позитивном определении» показано, каким образом работы Х. Перельмана, С. Тулмина, Ю. Хабермаса, которые можно объединить в направление аргументативной риторики, способствовали переосмыслению ее функций и содержания, а также ее переходу на качественно новый уровень «новой риторики».

Так, Х. Перельман положил основания для развития идеи теории аргументации. Он утверждал, что в отличие от формальной логики, где принято, что, аргументы следуют друг за другом, исходя из пошагового построения всей цепочки аргументации, в неформальной логике аргументы самостоятельны. При этом разрозненные аргументы объединяются в единое

целое. Процесс же аргументации есть не что иное, как установление связи между ними. Кроме того, для развития аргументации по мнению Перельмана необходима отправная точка аргумента, общая для аудитории и оратора. По мнению С. Тулмина аргументы в неформальной логике относятся к различным аргументационным полям и должны существовать стандарты их оценки. С. Тулмин предлагает оценивать аргументы с точки зрения практики. Заслуга Ю. Хабермаса состоит в том, что именно он ознаменовал аргументативный поворот в политических исследованиях. Ю. Хабермас показал, что все политические процессы и явления конструируются при помощи аргументации. Указанные авторы пришли к выводам, что критерии ценностей и убеждений для некой группы могут быть предвзятыми, именно поэтому аргументы любого дискурса должны быть рационально обоснованными, что является основанием для принятия концепции коммуникативной рациональности. Это закладывает основания для перелома в осмыслении роли риторики и понимании того, что ей отводится роль формирования реальности посредством обращения к неформальным принципам обоснования истины.

В параграфе 1.3 «Феномен риторического поворота» устанавливается, что базисом для перехода к неориторике послужили предшествующие лингвистический и интерпретативный повороты, трактуемые нами как условные точки, выделяемые в развитии философии и науки. В процессе перехода от одной точки к другой ученые пытались поставить на вооружение науки «идеальный» язык или прибегнуть к герменевтическим методам обоснования знания, что не увенчалось успехом.

В конце XX в. происходят существенные изменения в науке, которая начинает признавать, что риторические формы и принципы неизбежно участвуют в формировании реальности. Эти процессы называют риторическим поворотом или некой условной кризисной точкой, через которую проходит интеллектуальное (научное) сообщество на рубеже XX–XXI вв. В параграфе выявлены специфические черты риторического поворота:

- а) антиобъективистские и релятивистские настроения в исследованиях;

б) использование риторических принципов в качестве методологии поиска, перекладывание методологической функции с философии на риторику, поскольку ее преимуществами являются недисциплинарность и метадисциплинарность;

в) приспособление методологии к языкам объяснения, как следствие, унифицированный характер носит не методология, а аргументы;

г) язык описания действительности не является нейтральным и существенен для понимания и установления реальности;

д) максимальное использование неопределенности и неоднозначности языка;

е) расценивание заявлений ученых как аргументов в пользу их открытий, а не как констатации неопровержимых фактов о действительности;

ж) в науке нестрогие логические построения используются в той же мере, что и строгие, формальные методы;

з) использование принципов литературной критики, понимание науки как текста: наука «читает» реальность, понимает научные данные как символические конструкции и др.

Соответственно, можно определить такую форму существования риторики как риторическое исследование в науке, которое подразумевает, что риторические техники неизбежно участвуют в формировании реальности, и понимание реальности зависит от того, какой вокабуляр используется для ее описания.

В главе 2 «Прагматистские предпосылки возникновения риторического поворота» мы стремились обосновать тезис о том, что два указанных события – возвращение риторики и возрождение прагматизма – были взаимообуславливающими.

Для этого в параграфе 2.1 «Риторический поворот основателей прагматизма» мы рассмотрели в чем заключался и каким образом реализовывался интерес первых прагматистов к риторике и софистике, как они характеризовали риторику и насколько глубоко они интересовались и

прорабатывали риторическую и сопряженную с ней релятивистскую проблематику.

Основатель научного подхода в прагматизме Ч.С. Пирс возрождает риторику и предлагает ее новую интерпретацию с позиции разработанной им дисциплины, семиотики, в которой он предлагает перенос изучения с объектов на изучение знаков. Свою новую, предложенную им дисциплину – семиотику как «квази-необходимое и формальное учение о знаках» – Пирс делит на три ветви, по аналогии со средневековым *тривиум*: аналитику (чистую грамматику), критику (собственно логику) и методевтику, или, в другой терминологии, спекулятивную грамматику, логическую критику и спекулятивную риторику, где слово «спекулятивный» используется в значении «теоретический». Роль методевтики, или риторики Пирс видит в анализе взаимодействий и коммуникационных стратегий, а также в оценке их результатов.

Значительное место в параграфе отведено анализу взглядов представителя релятивистского направления прагматизма Ф.К.С. Шиллера, который интерпретирует максиму Протагора «человек – мер всех вещей» не с позиций скептицизма по отношению к познанию, а как то, что истина устанавливается представителями человечества. При этом несмотря на индивидуальный характер критериев истинности, благодаря риторике они проходят проверку на состоятельность, согласуются и признаются коллективно.

Шиллер формулирует два существенных тезиса, предопределивших дальнейшее развитие прагматизма. Первый заключается в необходимости пересмотреть платоновские оценки софистики, отказываясь от ее негативной, скептической интерпретации. Второй – что гуманизм не только является одновременно свойством и софистики, и прагматизма, но что гуманизм и есть прагматизм. Этот тезис подразумевает, что, во-первых, существует теоретическое многообразие прагматизмов. Во-вторых, прагматизм является формой релятивизма. В-третьих, прагматизм как гуманизм или релятивизм не тождественен скептицизму, отрицающему достижение истины. В-четвертых,

цель прагматизма формулируется как лишение абсолютистских претензий всякого смысла, поскольку истина и знания соотносятся с человеком и его жизнью, а не абсолютны или умопостигаемы. Фактически, в этом тезисе фиксируется окончательная антиобъективистская и антиплатонистская направленность прагматизма.

Эти темы свойственны «линии Джеймса», или релятивистской линии прагматизма, поскольку воззрения Шиллера оформлялись во взаимодействии и при значительном взаимном влиянии с У. Джеймсом. В частности, это биологическая теория сознания Джеймса, которая представляется как интерактивный процесс роста в пределах избирательно воспринимаемой окружающей среды. Мышление человека должно обслуживать усилия организма для выживания в пластичном и изменяющемся мире. Все это повлекло новую формулировку теории истины. Джеймс отверг обе традиционные теории истины: когерентную и корреспондентную, и положил начало прагматической концепции истины: истинное для нашего разума – это то, что выгодно и удобно.

Связан с разработкой риторической проблематики и Дж. Дьюи, основоположник классического прагматизма. В своих работах он обращается к концепции коммуникации и ее инструментальному характеру. Коммуникация, согласно Дж. Дьюи, не просто обмен сообщениями, а прагматический диалог, нацеленный на определенный результат, где риторика выполняет важную функцию ведения диалога.

Таким образом в начале XX в. прагматизм обращается к ресурсам риторических техник для решения практических задач. При этом можно отчетливо наблюдать, что возвращение интереса к риторике и развитие американского прагматизма являлись обоюдными. Кроме того, рост интереса к риторике одновременно повлек пересмотр интерпретаций античной софистики. В результате начинает набирать позитивное значение релятивизм.

Точки пересечения прагматизма и релятивизма подробно изложены в **параграфе 2.2 «Прагматизм и релятивизм»**. Несмотря на многообразие

классификаций релятивизма суть указанного направления сводится к тому, что истина определяется относительно стандартов, используемых при ее оценке. Кроме того, релятивизм характеризуется отсутствием эпистемической нейтральности.

Одним из направлений, где релятивизм признается безоговорочно, является прагматизм в связи с наличием общих для них ключевых пересечений, а именно по отношению к анти-фундаментализму, роли критики сообщества исследователей в установлении истины, фаллибилизму, радикальной контингентности, плюрализму философских ориентаций.

В параграфе в общих чертах представлены истоки релятивизма в античности, анализируется крайне отрицательное отношение к релятивизму в отечественной критической литературе. Обсуждаются вызовы релятивизма, например, отрицание истины как чего-то независимого от концептуального (языкового) каркаса, отрицание общезначимых стандартов рациональности, реальности как независимой от определенной понятийной конструкции, отказ от поиска истины и получения знания, паралич любого практического действия. Показано, что релятивизм сопряжен с этими опасностями, только если интерпретируется изнутри объект-ориентированной рациональности, с точки зрения объективизма или онтологического и эпистемического фундаментализма, и отождествленный со скептицизмом. В современной философии релятивизм усиливает свои позиции в областях, связанных с софистической методологией и риторикой – это риторическая теория, коммуникативная теория, нео-софистическая риторика и некоторые социальные теории (например, социальный конструктивизм). На этих же позициях сосредоточен интерес неопрагматистов, поэтому частные точки зрения на релятивизм более подробно излагаются нами в Главе 3.

Роль прагматизма в развитии имплицитных риторик, и его значение как теоретического основания для современной риторической теории изложены нами в **параграфе 2.3 «Прагматизм и риторика: концепция риторической ситуации»**. В нем мы касаемся теории речевых актов (Дж. Остина–Дж. Серля)

и теории речевых ситуации (Л.Ф. Битцера), где главную роль играет понимание речи ратора в качестве действия с практическими следствиями. Показано, что в целом эта позиция укоренена в максиме Пирса, в его понимании значения. Показано, что установки, характерные для современного неориторического дискурса – учет требований времени и практических стимулов, видение причин поступков людей в исторических, психологических и биологических обстоятельствах – прямо пересекаются с точкой зрения прагматистов на то, какой должна быть философия. Точки пересечения прагматизма и риторической теории, их взаимный интерес лежат в плоскости следующих положений: ритор уверен, что риторика должна осуществлять какой-то эффект; прагматист, вследствие своих установок, должен понимать риторическую практику и теорию как средство публичной коммуникации с определенными следствиями.

Прагматистская метафизика, в отличие от метафизики первых принципов, не стремится соотнести результат или приблизить его к первым принципам философии, согласуя с ними любые действия. Напротив, поскольку она не признает такие первопринципы, важным оказывается только сиюминутный эффект. Истолкованный таким образом прагматизм представляется совместимым со многими современными риторическими теориями, поскольку большинство из них хотя бы косвенно строит гипотезы о практических следствиях действий, поступков или суждений. Хорошим примером, иллюстрирующим такой подход, является теория речевых актов Остина–Серля, в основе которой лежит предложенный Чарльзом Моррисом термин *прагматика*. Для обоснования указанной связи, анализируются труды Пирса, в которых можно обнаружить рассуждения, относящиеся в контексте теории речевых актов к иллокутивной силе.

Далее обсуждается понятие коммуникативной, или риторической ситуации, введенной Л.Ф. Битцером. Согласно теории риторической ситуации, риторика призвана решать критические ситуации. Если перевести это положение в прагматистскую область постановки проблем, значительно

укорененной в эволюционной теории, то риторика должна пониматься как моральный акт, вызванный критическим напряжением, возникающим в процессе взаимодействия между организмом и его средой, и призванный снять это напряжение. Теория риторической ситуации подчеркивает, что имеется достаточно большой класс проблем, критических ситуаций, которые не снимаются посредством какого-либо физического (механического) воздействия на среду или организм, а могут быть решены только посредством дискурса, речевого воздействия. Этот аспект обнаруживает значительную область применения этой теории, в частности для урегулирования межнациональных, религиозных и политических конфликтов. Принципиальная новизна и особенность теории Битцера заключается том, что она возвращает риторику к принципам объективизма и релятивизма, от которых риторическая и философская дисциплины отходили в течение всего XX в. Именно на этих пунктах сосредоточена атака критиков этой теории, аргументы которых также подробно проанализированы в указанном параграфе.

Глава 3 «Неопрагматизм как эволюция прагматизма: развитие коммуникативной и релятивистской проблематики» по сути является ключевой, так как в ней подводятся итоги почти векового взаимодействия прагматистских и риторических положений.

В параграфе 3.1 «Неопрагматизм Джозефа Марголиса» мы в первую очередь обратились к оценке периодизации эволюции прагматизма. Мы придерживаемся предложенной Марголисом трехчастной схемы – классический прагматизм, аналитический прагматизм (период дискуссий с аналитической философией), неопрагматизм. В литературе можно встретить различные оценки этих этапов. Иногда встречается точка зрения, что между прагматизмом и неопрагматизмом содержательно нет ничего общего, и нет оснований возводить это направление к прагматизму. Многие исследователи полагают уже вторую фазу неопрагматистской, и считают, что Р. Рорти может быть охарактеризован как представитель неопрагматизма. Мы полагаем, что неопрагматизм является наследником прагматистского учения, и второй этап

эволюции прагматизма корректнее считать временем его стагнации, когда популярность этого направления настолько резко идет на спад, что дает основания для высказываний о смерти прагматизма и полной победе аналитической философии в США. Период творческой активности Р. Рорти мы бы не стали относить к неопрагматизму по той причине, что сам Рорти оставался в философии *persona non grata*, в сравнении с тем авторитетом, который сегодня играют в философских кругах представители неопрагматизма, и фактически оформлял в дискуссиях с аналитиками и реалистами ту проблематику, которая ляжет в основание неопрагматистской философии.

Также мы показали, что термин «неопрагматизм» в современной литературе недоопределен, и не оформился до сих пор круг лиц, которых исследователи уверенно и единогласно включали бы в число неопрагматистов. Акцент на эволюцию взглядов представителей неопрагматизма сделан с учетом того, что ее нельзя на сегодняшний момент считать законченной: и Дж Марголис, и Р. Бернстайн на сегодняшний день активно участвуют в интеллектуальной жизни, много пишут, читают лекции, ведут дискуссии, что подразумевает текущую корректировку их точек зрения.

Подводя итоги и развивая проблематику второго периода генезиса прагматизма, Дж. Марголис предлагает список философских идей, которые могут служить маркерами неопрагматистской философии, среди которых нередуктивный и неэлиминативный натурализм; отказ от дуализма и когнитивных привилегий любого рода; отказ от принципиальной разницы между теоретическим и практическим разумом; неизбежность консенсуальных форм рациональности, т.е. коммуникативной рациональности и др. Эти положения существенно расходятся с теми концепциями, которых придерживались Пирс и Дьюи, и их можно считать программными положениями неопрагматизма.

В творчестве Дж. Марголиса можно обозначить следующие его ключевые интересы: а) антифундаментализм и антиобъективизм (релятивизм); б) теория истинности; в) историчность и отношение к формам социального

дарвинизма.

Наиболее знаменитая концепция Марголиса – это концепция надежного релятивизма. Его точка зрения на релятивизм формируется в дискуссии с Рорти и по ряду ключевых положений оппонируют ему и не стремятся избавить философию от любых проявлений фундаментализма. В целом, позиция Марголиса должна быть истолкована как примиряющая противоречивые установки в прагматизме периода Р. Рорти и Х. Патнэма.

Марголис отвергает концепции когнитивной прозрачности мира, привилегированного доступа человека к познанию мира; познание, согласно дарвинистскому подходу, является скорее следствием необходимости выживания человеческого вида, чем привилегией. Признание таких позиций влечет ряд проблем. Решая проблему отказа от реализма, он ищет срединный путь между позициями Рорти и Патнэма. Он предлагает весьма оригинальный способ защиты реализма – согласование его с релятивизмом. Для этого Марголис переопределяет релятивизм таким образом, чтобы он не смешивался со скептицизмом и использует для этого понятие минимального реализма. Из его трактовки такого реализма следует, что противостоять скептицизму и быть совместимой с релятивизмом может только такая теория, которая удовлетворяет ключевым положениям неопрагматизма. Сформулированная им версия алетического релятивизма – надежный релятивизм – призвана решить проблему несоизмеримости.

Второй способ защиты реализма осуществляется через трактовку человеческого бытия как потока, то есть признания историчности человеческого бытия и убежденности в важности праксиса, которые Марголис считает «нервом» новой риторики. Реализуя вторую стратегию защиты, Марголис прибегает к концепции технологий, подтверждающей, что человек не только в состоянии познавать мир в условиях когнитивной непрозрачности, но и воздействовать на него и изменять, что свидетельствует о реальности мира. Таким образом, технологии подтверждают когнитивную компетентность человека даже при условии непрозрачности. Кроме того, технологии

способствуют актуальному выживанию и жизнеспособности человеческих видов, и то, и другое выражается в живых практиках человеческих обществ. Первую стратегию Марголис называет эпистемической, вторую – не-эпистемической, или прагматистской.

Параграф 3.2 «Концепция прагматистского поворота Ричарда Бернстайна» посвящен творчеству Р. Бернстайна и имеет важное значение для понимания процессов возрождения интереса к прагматизму, а также для понимания эволюции риторического поворота в XX в. Для Р. Бернстайна весь XX в. фактически является «веком прагматизма». Бернстайн не видит смысла в выделении в философии аналитической и континентальной традиций, а также говорить о прагматизме как о чем-то отдельном от этих двух традиций, поскольку все три направления имеют дело с общими для них всех темами, которые сам философ характеризует как прагматистские.

В настоящем параграфе мы проанализировали интеллектуальную биографию Р. Бернстайна, условно выделив в ней три периода, и показали, что те идеи, к которым пришел Бернстайн, явились планомерным результатом и развитием его философских исканий. Бернстайн в своем творчестве стремился развенчать миф о том, что аналитическая философия является единственной доминантой в американском интеллектуальном пространстве. Бернстайн показывает, что она способствовала возрождению прагматизма в новом облике, и он по-прежнему является одним из наиболее живых философских направлений.

Среди достижений философа – анализ объективизма и релятивизма, в результате которого он приходит к выводу, что существует необходимость выйти за рамки сложившейся оппозиции. По мнению Бернстайна, эта оппозиция актуальна только в том случае, если мы определяем природу и сферу человеческой рациональности в прежней, изжившей себя, фундаменталистской или объективистской традиции. Объективность понимается в этой традиции как исключаящая любые указания на человеческую субъективность, историчность или социальность. Современность диктует новое понимание рациональности –

коммуникативное, в котором она видится как живой «разговор», с присущими ему непредсказуемостью и новизной, как расширенный и открытый диалог, создающий основу для межсубъектных соглашений.

Бернстайн также обращается к анализу релятивизма, полагает, что релятивизм следует отличать от субъективизма и сопоставляет его с методологическим релятивизмом, с концепцией несоизмеримости парадигм, теорий и гипотез Т. Куна и П. Фейерабенда. Бернстайн предлагает такую форму релятивизма, которую мы, противопоставляя надежной форме релятивизма Дж. Марголиса, назвали слабым релятивизмом. Слабый релятивизм трактует несоизмеримость близко к тому, как она понимается в методологическом релятивизме – как разъяснение того, что именно мы делаем, когда *сравниваем* несоизмеримые парадигмы, или наблюдаем как некоторые *стандарты конфликтуют* друг с другом. Таким образом, Бернстайн приходит к выводу, что существуют универсальные, но при этом разнообразные элементы измерения научного исследования, которые понимаются как практическое осуществление теоретических требований. В его концепции мы видим проявление плюрализма и толерантности, которые позже философ включит в список «прагматистских тем».

Значимое место в позднем творчестве философа занимает концепция «прагматистского поворота». В диссертации мы анализируем происхождение этого термина, показываем, что формально происхождение этого словосочетания можно проследить от одной частной дискуссии между Р. Рорти и Ю. Хабермасом касательно понимания философии Канта, однако актуализировать этот концепт удалось именно Бернстайну.

У самих Рорти и Хабермаса наблюдаются серьезные расхождения в понимании коммуникативной рациональности, и в видении ее конечных целей, однако можно установить, что оба они согласны относительно понимания «прагматистского поворота». Рорти в итоге склоняется к термину «риторический поворот», тогда как его последователи и критики охотно используют термин Хабермаса «прагматистский поворот», однако, в значении

«радикализации лингвистического поворота».

Мы наметили две стратегии понимания прагматистского поворота Бернштейна:

1) значимость коммуникативных практик, подразумевающая интерпретирующее сообщество или конкретную концептуальную схему в качестве посредника между агентами классической эпистемологии – предложениями о мире и действительным положением дел;

2) общие принципы рассуждения, в одинаковой мере свойственные главным философским течениям XX в., прежде всего – континентальной и аналитической философии. Обе традиции обсуждают набор общих, но при этом специфически прагматистских тем, что позволяет представить эти традиции как направления прагматизма.

На протяжении своего творчества Бернштейн уточняет прагматистские темы, в итоге предлагая следующий список: 1) анти-фундаментализм; 2) сообщество исследователей; 3) фаллибилизм; 4) радикальная контингентность; 5) плюрализм.

Перечисленные темы, во-первых, совпадают с характеристиками релятивизма, во-вторых, пересекаются с характеристиками риторического поворота. Таким образом, концепция прагматистского поворота дает определенные основания говорить о взаимообусловленности риторического поворота, прагматизма и релятивистской методологии. Также видно, что исследования Бернштейна в целом выходят на общепрагматистские и неориторические интересы, а именно восстановление и разъяснение взаимосвязанных концепций и опыта диалога, дебатов, бесед и коммуникации.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

В результате нашего исследования можно ввести понятие прагматистского дискурса, который не только сопряжен с интересом к риторическому знанию в его широком определении (включающем аргументирующие и убеждающие стратегии в рамках системы «оратор – аргумент – аудитория», непосредственно используемые в коммуникативной

практике, кроме того восходящий к античным софистам метод познания и связанные с ним релятивистские концепции и стратегии, а также имплицитные риторики), но и сам ответственный за формирование такого интереса в интеллектуальном пространстве XX в.

Делается вывод о том, что (нео)прагматизм – это не только философская концепция, но, как и софистика, гражданская позиция и образ жизни, на этом основании его можно использовать для объяснения и понимания различных процессов в современном мире, и исходя из его оснований объяснять многие феномены и ситуации, которые отчетливо дают о себе знать к концу XX в. – в современном исламе, в мультикультурализме и феминизме. Тем самым притязания на прагматичность в XX веке оказываются не только *прагматистскими*, а общемировыми.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Вольф М. Н. Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии / М. Н. Вольф, **А. В. Косарев** // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 225–233. – DOI: 10.17223/1998863X/36/23. – 0,75 / 0,3 п.л.

Web of Science: Volf M. N. Neo-sophistic rhetoric in view of the methodology of the history of philosophy / M. N. Volf, **A. V. Kosarev** // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – filosofiya – sotsiologiya – politologiya – Tomsk state university journal of philosophy sociology and political science. – 2016. – Vol. 36, is. 4. – P. 225–233.

2. **Косарев А. В.** Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке / А. В. Косарев // Философия науки. – 2016. – № 4 (71). – С. 13–25. – 0,7 п.л.

3. **Косарев А. В.** О перспективах релятивизма / А. В. Косарев //

Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 159–175. – 0,9 п.л.

4. **Косарев А. В.** Неопрагматизм Джозефа Марголиса / А. В. Косарев, М. Н. Вольф // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 3–16. – DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16. – 1 / 0,4 п.л.

5. **Косарев А. В.** Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации / А. В. Косарев // Сибирский философский журнал. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 226–242. – 1 п.л.

Статьи в сборниках материалов конференций:

6. **Косарев А. В.** К вопросу об основаниях инноваций : новые перспективы философии и риторики / А. В. Косарев // «Третья миссия» университета в современной России : новации и интеллектуальные традиции : сборник научных трудов V Сибирского философского семинара. Новосибирск, 14–16 сентября 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 132–137. – 0,3 п.л.

7. **Косарев А. В.** «Точки поворота» в гуманитарных науках XX в. / А. В. Косарев // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 01–02 декабря 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 56–58. – 0,15 п.л.

8. **Косарев А. В.** «Конститутивное искусство» : о новой роли риторики в философии и науке / А. В. Косарев // Алёшинские чтения – 2016. Философия и наука : проблемы соотношения : материалы международной конференции. Москва, 07–09 декабря 2016 г. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 373–383. – 0,5 п.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 2110\15 от «25» октября 2017 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28